

УДК 82-94
ББК 63.3
Б 16

Бажанов Б. Г.

Б 16 Я был секретарем Сталина / Борис Бажанов. – М. : Алгоритм, 2014. – 304 с. – (Я предал Родину).

ISBN 978-5-4438-0621-1

«... Мои воспоминания относятся главным образом к тому периоду, когда я был помощником Генерального секретаря ЦК ВКП (Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии) Сталина и секретарем Политбюро ЦК ВКП. Я был назначен на эти должности 9 августа 1923 года. Став антикоммунистом, я бежал из Советской России 1 января 1928 года через персидскую границу».

С 1923 по 1928 год Борис Бажанов являлся личным секретарем Сталина, имел доступ к самым секретным документам ЦК ВКП(б). После побега из Советского Союза он опубликовал во Франции эти воспоминания, ярко характеризующие личность Сталина, его методы достижения власти и политические интриги в Кремле.

**УДК 82-94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4438-0621-1

© Бажанов Б.Г., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Массово-политическое издание

Я ПРЕДАЛ РОДИНУ

Бажанов Борис Георгиевич

Я БЫЛ СЕКРЕТАРЕМ СТАЛИНА

Редактор *Е. Ю. Бузев*

Художник *Б. Б. Протопопов*

Верстка *А. А. Кувшинников*

ООО «Издательство «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.01.2014. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-4438-0621-1

9 785443 806211 >

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мои воспоминания относятся, главным образом, к тому периоду, когда я был помощником Генерального секретаря ЦК ВКП (Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии) Сталина и секретарем Политбюро ЦК ВКП. Я был назначен на эти должности 9 августа 1923 года. Став антикоммунистом, я бежал из советской России 1 января 1928 года через персидскую границу. Во Франции в 1929 и 1930 годах я опубликовал некоторые из моих наблюдений в форме газетных статей и книги. Их главный интерес заключался в описании настоящего механизма коммунистической власти — в то время на Западе очень мало известного, некоторых носителей этой власти и некоторых исторических событий этой эпохи. В моих описаниях я всегда старался быть скрупулезно точным, описывал только то, что я видел или знал с безусловной точностью. Власти Кремля никогда не сделали ни малейшей попытки оспорить то, что я писал (да и не могли бы это сделать), и предпочли избрать тактику полного замалчивания — мое имя не должно было нигде упоминаться. Самым усердным читателем моих статей был Сталин: позднейшие перебежчики из советского полпредства во Франции показали, что Сталин требовал, чтобы всякая моя новая статья ему немедленно посылалась аэропланом.

Между тем, будучи совершенно точным в моих описаниях фактов и событий, я, по соглашению с моими друзьями, оставшимися в России, и в целях их лучшей безопасности, должен был изменить одну деталь, касавшуюся меня лично:

дату, когда я стал антикоммунистом. Это не играло никакой роли в моих описаниях — они не менялись от того, стал ли я противником коммунизма на два года раньше или позже. Но, как оказалось, меня лично это поставило в положение очень для меня неприятное (в одной из последних глав книги, когда я буду описывать подготовку моего бегства за границу, я объясню, как и почему мои друзья просили меня это сделать). Кроме того, о многих фактах и людях я не мог писать — они были живы. Например, я не мог рассказать, что говорила мне личная секретарша Ленина, по очень важному вопросу — это ей могло очень дорого стоить. Теперь, когда прошло уже около полувека, и большинства людей этой эпохи уже нет в живых, можно писать почти обо всем, не рискуя никого подвести под сталинскую пулю в затылок.

Кроме того, описывая сейчас те исторические события, свидетелем которых я был, я могу рассказать читателю о тех выводах и заключениях, которые вытекали из их непосредственного наблюдения. Надеюсь, что это поможет читателю лучше разобраться в сути этих событий и во всем этом отрезке эпохи коммунистической революции.

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ В ПАРТИЮ

Гимназия. Университет. Расстрел демонстрации. Вступление в партию. Ямполь и Могилев. Москва. Высшее техническое училище. Дискуссия о профсоюзах. Кроштадтское восстание. Нэп. Учение

Я родился в 1900 году в городе Могилеве-Подольском на Украине. Когда пришла февральская революция 1917 года, я был учеником 7-го класса гимназии. Весну и лето 1917 года город переживал все события революции и прежде всего постепенное разложение старого строя жизни. С октябрьской революцией это разложение ускорилося. Распался фронт, отделилась Украина. Украинские националисты оспаривали у большевиков власть на Украине. Но в начале 1918 года немецкие войска оккупировали Украину, и при их поддержке восстановился некоторый порядок, и установилась довольно странная власть гетмана Скоропадского, формально украинско-националистическая, на деле — неопределенно консервативная.

Жизнь вернулась в некоторое более нормальное русло, занятия в гимназии снова шли хорошо, и летом 1918 года я окончил гимназию, а в сентябре отправился продолжать учение в Киевский университет на физико-математический факультет. Увы, учение в университете продолжалось недолго. К ноябрю определилось поражение Германии, и германские войска начали оставлять Украину. В университете забурлила революционная деятельность — митинги, речи. Власти закрыли университет. Я в это время никакой политикой не занимался — в мои 18 лет я считал, что я недостаточно разобрался в основных вопросах жизни общества. Но, как и большинство студентов, я был очень недоволен перерывом учения — я приехал в Киев из далекой провинции учиться.

Поэтому, когда была объявлена студенческая демонстрация на улице против здания университета в знак протеста против его закрытия, я отправился на эту демонстрацию.

Тут я получил очень важный урок. Прибывший на грузовиках отряд «державной варты» (государственной полиции), спешился, выстроился и без малейшего предупреждения открыл по демонстрации стрельбу. Надо сказать, что при виде винтовок толпа бросилась врассыпную. Против винтовок осталось три-четыре десятка человек, которые считали ниже своего достоинства бежать, как зайцы, при одном виде полиции. Эти оставшиеся были или убиты (человек двадцать), или ранены (тоже человек двадцать). Я был в числе раненых. Пуля попала в челюсть, но скользнула по ней, и я отделался двумя-тремя неделями госпиталя.

Учение прекратилось, возобновилась борьба между большевиками и украинскими националистами, а я вернулся в родной город выздоравливать и размышлять о ходе событий, в которых я против воли начал принимать участие. До лета 1919 года я много читал, старался разобраться в марксизме и революционных учениях и программах.

В 1919 году развернулась Гражданская война и наступление на Москву белых армий от окраин к центру. Но наш подольский угол лежал в стороне от этой кампании, и власть у нас оспаривалась только петлюровцами и большевиками. Летом 1919 года я решил вступить в коммунистическую партию.

Для нас, учащейся молодежи, коммунизм представлялся в это время необычайно интересной попыткой создания нового, социалистического общества. Если я хотел принять участие в политической жизни, то здесь, в моей провинциальной действительности, у меня был только выбор между украинским национализмом и коммунизмом. Украинский национализм меня ничуть не привлекал — он был связан для меня с каким-то уходом назад с высот русской культуры, в которой я был воспитан. Я отнюдь не был восхищен и практикой коммунизма, как она выглядела в окружающей меня жизни, но я себе говорил (и не я один), что нельзя многого требовать от этих малокультурных и примитивных большевиков из неграмотных рабочих и крестьян, ко-

торые понимали и претворяли в жизнь лозунги коммунизма по-дикому; и что как раз люди более образованные и разбирающиеся должны исправлять эти ошибки и строить новое общество так, чтобы это гораздо более соответствовало идеям вождей, которые где-то далеко, в далеких центрах, конечно, действуют, желая народу блага.

Пуля, которую я получил в Киеве, не очень подействовала на мое политическое сознание. Но вопрос о войне сыграл для меня немалую роль.

Все последние годы моей юности я был поражен картиной многолетней бессмысленной бойни, которую представляла первая мировая война. Несмотря на мою молодость, я ясно понимал, что никакой из воюющих стран война не могла принести ничего, что могло бы идти в сравнение с миллионами жертв и колоссальными разрушениями. Я понимал, что истребительная техника достигла такого предела, что старый способ решения войной споров между великими державами теряет всякий смысл. И если руководители этих держав вдохновляются старой политикой национализма, которая была допустима век тому назад, когда от Парижа до Москвы было два месяца пути и страны могли жить независимо друг от друга, то теперь, когда жизнь всех стран связана (а от Парижа до Москвы два дня езды), эти руководители государств — банкроты и несут большую долю ответственности за идущие за войнами революции, ломающие старый строй жизни. Я в это время принимал за чистую монету Циммервальдские и Кинтальские протесты интернационалистов против войны — только много позже я понял, в каком восторге были ленины от войны — лишь она могла принести им революцию.

Вступив в местную организацию партии, я скоро был избран секретарем уездной организации. Характерно, что мне сразу же пришлось вступить в борьбу с чекистами, присланными из губернского центра для организации местной чеки. Эта уездная чека реквизировала дом нотариуса Афеньева (богатого и безобидного старика) и расстреляла его хозяина. Я потребовал от партийной организации немедленного закрытия чеки и высылки чекистов в Винницу (губернский

центр). Организация колебалась. Но я быстро ее убедил. Город был еврейский, большинство членов партии были евреи. Власть менялась каждые два-три месяца. Я спросил у организации, понимает ли она, что за бессмысленные расстрелы чекистских садистов отвечать будет еврейское население, которому при очередной смене власти грозит погром. Организация поняла и поддержала меня. Чека была закрыта.

Советская власть продержалась недолго. Пришли петлюровцы. Некоторое время я был в Жмеринке и Виннице, где в январе 1920 года я неожиданно был назначен заведующим губернским отделом народного образования. Эту мою карьеру прервал возвратный тиф, а затем известие о смерти от сыпного тифа моих родителей. Я поспешил в родной город. Там еще были петлюровцы. Но они меня не тронули — местное население поручилось, что я — «идейный коммунист», никому ничего кроме добра не делавший и, наоборот, спасший город от чекистского террора.

Скоро власть снова сменилась — пришли большевики. Затем опять большевики отступили. Началась советско-польская война. Но к лету 1920 года был снова занят уездный город Ямполь, и я был назначен членом и секретарем Ямпольского ревкома. Едва ли когда-нибудь Ямполь после революции видел власть более мирную и доброжелательную. Председатель ревкома, Андреев, и оба члена ревкома — Трофимов и я — были люди мирные и добрые. По крайней мере, это должна была думать вдова чиновника, в доме которой мы все трое жили, и, обедая за одним с ней столом, питались впроголодь (к большому ее удивлению), несмотря на всю нашу власть.

Через месяц был занят Могилев; я был переведен туда и снова избран секретарем уездного комитета партии.

В октябре советско-польская война кончилась, в ноябре был занят Крым; Гражданская война завершилась победой большевиков. Я решил ехать в Москву продолжать учение.

В ноябре 1920 года я приехал в Москву и был принят в Московское высшее техническое училище.

В Высшем техническом была, конечно, местная партийная ячейка. Жила она очень слабой партийной жизнью. Пар-

тия считала, что в стране огромный недостаток верных технических специалистов, и наше дело — партийных студентов — прежде всего учиться. Что мы и делали.

Тем не менее, в центре я уже коснулся несколько ближе жизни партии. Теперь, после окончания Гражданской войны, страна начала переходить к мирному строительству. Коммунистические методы управления страной за три года, протекшие от начала большевистской революции, казались определенными, но между тем они были подвергнуты ожесточенным спорам в партийной верхушке во время знаменитой дискуссии о профсоюзах, которая происходила как раз в конце 1920 года. Для нас всех, рядовых членов партии, дело выглядело так, что идет спор о методах руководства хозяйством, вернее, промышленностью. Казалось, есть точка зрения части партии во главе с Троцким, считавшей, что вначале армия должна быть превращена в армию трудовую и должна восстанавливать хозяйство на началах жестокой военной дисциплины; часть партии (Шляпников и рабочая оппозиция) считала, что управление хозяйством должно быть передано профсоюзам; наконец, Ленин и его группа были и против трудовых армий, и против профсоюзного управления хозяйством, и полагала, что руководить хозяйством должны хозяйственные советские органы, покидая военные методы. Победила точка зрения Ленина, хотя и не без труда.

Только через несколько лет, уже будучи секретарем Политбюро, разбираясь в старых архивных материалах Политбюро, я понял, что дискуссия была надуманной. По существу это была борьба Ленина за большинство в Центральном комитете партии — Ленин опасался в этот момент чрезмерного влияния Троцкого, старался его ослабить и несколько отдалить от власти. Вопрос о профсоюзах, довольно второстепенный, был раздут искусственно. Троцкий почувствовал деланность всей этой ленинской махинации, и почти на два года отношения между ним и Лениным сильно охладели. В дальнейшей борьбе за власть этот эпизод и его последствия сыграли большую роль.

В марте 1921 года, в то время, когда происходил съезд партии, все члены ячейки Высшего технического училища

были срочно вызваны в районный комитет партии. Нам объявили, что мы мобилизованы, нам роздали винтовки и патроны, нас распределили по заводам, которые были большей частью закрыты; мы должны были нести на них вооруженную охрану, чтобы предотвратить возможные рабочие выступления против власти. Это были дни Кронштадтского восстания.

Около двух недель мы втроем несли охрану на закрытом заводе. Со мной был мой друг, коммунист Юрка Акимов, студент, как и я, и русский немец с голубыми глазами Ганс Лемберг. Через несколько лет, когда я буду секретарем Политбюро, я его выдвину на пост секретаря Спортинтерна. Он окажется интриганом самой низкой марки. Юрку Акимова я через два-три года потеряю из виду. Из Советской энциклопедии я недавно узнал, что он — заслуженный профессор металлургии.

На съезде партии, в марте, Ленин сделал доклад о замене хлебной разверстки продналогом. Во всей официальной советской исторической литературе этот момент изображается как введение нэпа. Это не совсем верно. Ленин пришел к идее о нэпе не так быстро. Во время Гражданской войны и летом 1920 года у крестьян хлеб брали силой. Власти рассчитывали приблизительно, сколько в каком районе у крестьян должно быть хлеба, цифры намеченного изъятия разверстывались по районам и дворам, и затем хлеб и продукты брали силой (продотрядами) в порядке самого грубого произвола, чтобы кое-как прокормить армию и города. Это была разверстка. При этом крестьяне не получали в обмен почти никаких промышленных продуктов — их практически не было. Летом 1920 года вспыхнули крестьянские восстания; самое известное, Антоновское (в Тамбовской губернии), продолжалось до лета 1921 года. Кроме того, произошло значительное уменьшение посевов — крестьянин не хотел производить лишнего хлеба, который у него все равно отобрали бы. Ленин понял, что дело идет к катастрофе, и надо от догматического коммунизма вернуться к реальной жизни, восстановив для крестьянина некоторый смысл в его хозяйственной работе. Разверстка была заменена проднало-

гом — то есть крестьянин был обязан сдать определенное количество продуктов, которые представляли налог, а остатками мог распоряжаться.

Кронштадтское восстание толкнуло мысль Ленина дальше — в стране царили голод, общее недовольство и отсутствие промышленных продуктов. Восстановить не только сельское хозяйство, но и хозяйство вообще можно было, лишь дав населению хозяйственный стимул, — то есть вернуться от коммунистической фантастики к нормальному меновому хозяйству. Это Ленин и предложил в конце мая на 10-й Всероссийской партийной конференции, но довел до конца формулировку нэпа лишь в конце октября на Московской губернской партийной конференции (я дальше расскажу, что говорили мне его секретарши уже после его смерти о сокровенных мыслях Ленина этого периода).

Я продолжал учиться. Меня избрали секретарем партийной ячейки. Это мне не очень мешало — партийная жизнь в Высшем техническом была намеренно малоактивна.

Но весь 1921 год в стране царил голод. Никакого рынка не было. Надо было жить исключительно на паек. Он состоял из фунта (400 граммов) хлеба в день (типа замаски, составленной бог знает из каких остатков и отбросов) и четырех ржавых селедок в месяц. В столовой училища давали еще раз в день немножко пшенной каши на воде без малейших следов жира и почему-то без соли. На таком режиме очень долго продержаться было нельзя. К счастью, подошло лето, и можно было поехать на летнюю практику на завод. Я с тремя товарищами выбрал практику на сахарном заводе (мы учились на химическом факультете) в моем родном Могилевском уезде. Там мы подкормились: паек выдавался сахаром, а сахар можно было обменивать на любую еду.

Осенью я вернулся в Москву и продолжал учение. Увы, на моем голодном режиме к январю я снова чрезвычайно отощал и ослабел. В конце января 1922 года я решил снова уехать на Украину.

В лаборатории количественного анализа моим соседом был молодой симпатичный студент Саша Володарский. Он был братом Володарского; питерского комиссара по де-

лам печати, которого убил летом 1918 года рабочий Сергеев. Саша Володарский был очень милый и скромный юноша. Когда, услышав его фамилию, его спрашивали: «Скажите, вы родственник того известного Володарского?» — он отвечал: «Нет, нет, однофамилец».

Я спросил его мнение, кого бы предложить на мое место в секретари ячейки. Почему? Я объяснил: хочу уехать, не могу дальше голодать.

— А почему вы не делаете как я? — спросил Володарский.

— Как?

— А я полдня учусь, полдня работаю в ЦК партии. Там есть виды работы, которую можно брать на дом. Кстати, аппарат ЦК сейчас сильно расширяется, там нужда в грамотных работниках. Попробуйте.

Я попробовал. То, что я был в прошлом секретарем укома партии и сейчас секретарем ячейки в Высшем техническом, оказалось серьезным аргументом, и управляющий делами ЦК Ксенофонтов (кстати, бывший член коллегии ВЧК), производивший первый отбор, направил меня в орготдел ЦК, где я и был принят.

Глава 2

В ОРГОТДЕЛЕ. УСТАВ ПАРТИИ

Орготдел ЦК. Учет местного опыта. Статья Кагановича. Съезд партии. Доклад Ленина. Проект нового устава партии. Каганович, Молотов, Сталин. Мой устав принят. Лоскутка, Володарские, Маленков. Тихомирнов. Лазарь Каганович. «Мы, товарищи, пятидесятилетние...» Михайлов. Молотов. Циркулярная комиссия. Справочник партийного работника. Известия ЦК

В это время происходило чрезвычайное расширение и укрепление аппарата партии. Едва ли не самым важным отделом ЦК был в это время организационно-инструкторский отдел, куда я и попал (скоро он был соединен с учраспредом в орграспред — организационно-распределительный отдел). Наряду с основными подотделами (организационный, информационный) был создан маловажный подотдел — учета местного опыта. Функции у него были самые неясные. Я был назначен рядовым сотрудником этого подотдела. Он состоял из заведующего — старого партийца Растопчина — и пяти рядовых сотрудников. Растопчин и трое из пяти его подчиненных смотрели на свою работу как на временную синекуру. Сам Растопчин показывался раз в неделю на несколько минут. Когда у него спрашивали, что, собственно, нужно делать, он улыбался и говорил: «Проявляйте инициативу». Трое из пяти проявляли ее в том смысле, чтобы найти себе работу, которая бы их более устраивала; и в этом они, правда, скоро успели. Райтер после ряда сложных интриг стал ответственным инструктором ЦК, а затем секретарем какого-то губкома. Кицис терпеливо выжидал назначения Райтера, и, когда оно произошло, уехал с ним. Зорге (не тот, не японский) хотел работать за границей по линии Коминтерна. Пытался работать только один Николай Бо-

гомолов, орехово-зуюевский рабочий, очень симпатичный и толковый человек. В дальнейшем он стал помощником заведующего орграспредом по подбору партийных работников, затем заместителем заведующего орграспредом, а затем почему-то торгпредом в Лондоне. В чистку 1937 года он исчез; вероятно, погиб.

Я первое время почти ничего не делал, присматривался и продолжал учение. После тяжелого 1921 года мои жилищные условия резко улучшились. Весь 1921 год в Москве я не только голодал, но и жил в тяжелой жилищной обстановке. По ордеру районного совета нам (мне и моему другу Юрке Акимову) была отведена реквизируванная у «буржуев» комнатка. В ней не было ни отопления и ни малейшего намека на какую-либо мебель (вся мебель состояла из миски для умывания и кувшина с водой, стоявших на подоконнике). Зимой температура в комнате падала до 5 градусов ниже нуля, и вода в кувшине превращалась в лед. К счастью, пол был деревянный, и мы с Акимовым, завернувшись в тулупы и прижавшись друг к другу для теплоты, спали в углу на полу, положив под головы книги вместо несуществующих подушек.

Теперь положение изменилось. Сотрудники ЦК жили в иных условиях. Мне была отведена комната в 5-м Доме Советов — бывшей «Лоскутной гостинице» (Тверская, 5), которую все обычно называли 5-м домом ЦК, так как жили в ней исключительно служащие ЦК партии. Правда, только рядовые, так как очень ответственные жили или в Кремле, или в 1-м Доме Советов (угол Тверской и Моховой).

Хотя я и работал мало, скоро мне пришлось столкнуться с заведующим орготделом Кагановичем.

Под его председательством произошло какое-то инструктивное совещание по вопросам «советского строительства». Меня посадили секретарствовать на этом совещании (так просто, попал под руку). Каганович произнес чрезвычайно толковую и умную речь. Я ее, конечно, не записывал, а сделал только протокол совещания.

Через несколько дней редакция журнала «Советское строительство» попросила у Кагановича руководящую ста-

тью для журнала. Каганович ответил, что ему некогда. Это была неправда. Дело было в том, что человек чрезвычайно способный и живой, Каганович был крайне малограмотен. Сапожник по профессии, никогда не получивший никакого образования, он писал с грубыми грамматическими ошибками, а писать литературно просто не умел. Так как я секретарствовал на совещании, редакция обратилась ко мне. Я сказал, что попробую.

Вспомнив, что говорил Каганович, я изложил это в форме статьи. Но так как было ясно, что все мысли в ней не мои, а Кагановича, я пошел к нему и сказал: «Товарищ Каганович, вот ваша статья о советском строительстве — я записал то, что вы сказали на совещании». Каганович прочел и был в восхищении: «Действительно, это все, что я говорил; но как это хорошо изложено». Я ответил, что изложение — дело совершенно второстепенное, а мысли его, и ему надо только подписать статью и послать в журнал. По неопытности Каганович стеснялся: «Это ведь вы написали, а не я». Я его не без труда уверил, что я просто написал за него, чтобы выиграть ему время. Статья была напечатана. Надо было видеть, как Каганович был горд, — это была «его» первая статья. Он ее всем показывал.

У этого происшествия были последствия. В конце марта — начале апреля происходил очередной съезд партии. Я, как и многие другие молодые сотрудники орготдела, был направлен для технической работы в помощь секретариату съезда. При съезде образуется ряд комиссий — мандатная, редакционная и т.д. Их образуют старые партийные бороды — члены ЦК и видные работники с мест, но работу выполняют молодые сотрудники аппарата ЦК. В частности, в редакционной комиссии, куда меня послали, работа идет так. Оратор выступает на съезде. Стенографистка записывает его речь и, расшифровывая стенограмму, диктует машинистке. Этот первый текст полон ошибок и искажений — стенографистка многое не поняла, многое не расслышала, кое-что не успела записать. Но к каждому оратору прикомандирован сотрудник редакционной комиссии, который обязан внимательно прослушать речь. Он и производит пер-